

Владимир Васильев
Анна Китаева
при участии Александра Лайка

ИДУЩИЕ В НОЧЬ

РОМАН О КАМЕННОМ ВЕКЕ

Москва
RUGRAM
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
В19

Васильев В., Китаева А.

В19 Идущие в Ночь / В. Васильев, А. Китаева. — М. :
Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. —
700 с.

ISBN 978-5-521-73546-4

Это странный мир с двумя светилами на небе — синим и красным. Главным героям не повезло родиться оборотнями, но повезло выжить... У них впереди дорога в Дикие земли и Каменный Лес, превращения и битвы, звон металла и горечь обмана, а за спиной — смерть.

Приходит Смутное время, и грядет Ночь, что скроет своим темным покровом свет двух светил, и герои пускаются в трудный путь... В Дикие земли, в Каменный лес, через Запретную реку идут красная кошка и свирепый волк...

BIC FA
BISACFIC000000

© Владимир Васильев,
Анна Китаева, текст, 2021

© Александра Аксюта, обложка, 2021
© RUGRAM, 2022

ISBN 978-5-521-73546-4 © Т8 Издательские технологии, 2022

Пролог

Меар медленно клонился к подернутому полупрозрачной голубоватой дымкой горизонту. Вдалеке виднелись островерхие крыши небольшого городка и потемневшая от недавних дождей стена. Выпуклые, как панцири гигантских черепах, створки ворот были сомкнуты.

Путник остановился и утер со лба выступивший пот. Под ногами его темной лентой лежала дорога; тянулась она, рассекая поле пшеницы синего посева, прямо к воротам городка.

«Охраны что-то не видно, — озабоченно подумал путник. — Что там у них творится-то?»

Путник был стар. Но еще крепок — шагал легко и не горбил спину. Морщины покрывали его лицо, уподобляя кожу коре акации, но глаза выдавали ясность мысли и недюжинную волю. Поклажи у путника не было. Шум толпы донесся до него лишь у самых ворот городка. Голоса и топот, азартные крики и лязг оружия. Прислушавшись, путник зашагал дальше. Ворота оказались незапертыми, левая створка, сплошь покрытая резными оберегами, бесшумно подалась легкому тол-

чку. Пройдя ворота, путник по обычаю низко поклонился.

— Мир вашим семьям, люди, и да не взглянет на вас с небес Тьма!

Голос его никто не решился бы назвать старческим.

Никто не ответил.

Только после обязательного приветствия городу путник обернулся и некоторым удивлением разглядел пустую караулку. У полуоткрытой двери стояла, приклоненная к темному дереву стены, ритуальная пика стража. Мощеная булыжником кольцевая площадь отделяла окраинные дома от городской стены. Шум доносился откуда-то из глубины квартала и становился все громче. Вслушавшись, путник неторопливо, как и раньше, направился к мосту через ров, полный зеленоватой воды пополам с тиной; в тине кишмя кишели тритоны. За мостом начиналась уже настоящая улица, на которую глядели закопченными фасадами приземистые, но аккуратные домишки.

— Таверна «Веселый фырман», — еле шевеля губами, прочел старик.

Дверь в таверну была заперта на внушительный засов, а засов крепился к массивному кольцу, ввинченному в дверной косяк, тяжелым висячим замком.

— Рановато закрылись, — проворчал старик. — Или поздновато открываются...

Впрочем, хозяин таверны мог жить по красному циклу и открывать свое заведение только с восходом Четтана, красного солнца. Тогда он — законченный олух и никудышный делец, потому что у умного дельца таверна не закрывалась бы вообще. Ведь в мире и в этом городке полно людей живущих по синему циклу Меара, и не меньше, верно, живущих по красному. Покачав

головой, путник свернул на улицу, ведущую к центру, и зашагал в направлении главной площади. Шум и гомон катились ему навстречу.

Толпу путник заметил спустя несколько минут. Плотное кольцо разгоряченных людей сомкнулось вокруг нескольких тесно стоящих домов. Двигались люди стремительно и слаженно, сжимая в руках ножи, копья, топоры, а то и просто палки. В толпе виднелись лиловые балахоны Чистых братьев.

— Быстрее! Окружайте, не то снова прорвется!

— Хомма, навверх!

— Тьма, не по ногам же!

— Мать, с дороги, затопчут!

— Вон он, вон, за забором!

Громкий разбойничий свист, от которого заложило уши.

Путник уже понял, что происходит, и это его явно не радовало. Прищурившись, он взгляделся.

Одинокая юркая фигурка перемахнула через невысокую плетеную ограду, метнулась вдоль ряда приземистых сарайчиков и свернула за угол, исчезнув на миг из поля зрения. Всего на миг, потому что почти сразу она показалась вновь: за углом, очевидно, поджидали охваченные охотничьим азартом загонщики. Затравлено озираясь, фигурка вернулась к сараям и едва не наткнулась на такую же источающую ненависть шеренгу. Ненависть толпы путник ощутил даже на расстоянии.

Фигурка, вышибив с неожиданной легкостью дверь сарая, канула в синеватый полумрак — в сарае, конечно же, не было окон.

— Хомма, давай факелы!

— Не могу, они внизу, — крикнул человек с крыши соседнего дома, взмахнув кривым хадасским клинком.

— Вот, вот факелы!

— Огня!

Две шеренги сомкнулись перед сараем с отворенной дверью. Беглец оказался в кольце. Несколько человек с пылающими факелами в руках сунулись в сарай, но свирепый рев перекрыл гомон толпы, и их вышвырнуло наружу, словно пробку из бутылки с игристым джурайским вином.

— Тьма! Поджигай, поджигай, Рута!

Пронзительный женский голос с нотками истерики выплеснулся из толпы:

— Ой, миленькие, не жгите, это ж мой сарай!

— Отстань, мамаша, построим новый...

— Там же мука! И курта вся там, у меня ж дети с голоду помрут!

Пламя уже лизало бревенчатый бок сарая. Обезумевшую женщину, кинувшуюся прямо в огонь, подхватили под руки, она все продолжала вырываться и голосит, но стенания ее заглушались ревом толпы и гулом пламени.

Беглец внезапно появился на крыше сарая; толпа взревела с новой силой. Жадные языки освобожденного пламени рвались в небо, окрашивая его в красноватый цвет. Как раз вовремя — навстречу восходящему красному светилу.

Бесцельно покружив по крыше, беглец вдруг разогнался и, перемахнув через языки пламени, взвился в воздух. Прыжок его был вызван отчаянием и болью.

Толпа выдохнула. Припечатавшись к резному карнизу, беглец повис над толпой; на секунду показалось, что он вот-вот сорвется и упадет, и тогда его разорвут на части сотни людских рук. Но он удержался и ловко полез на крышу.

Путник подумал, что это лишь отсрочка, потому что дом все равно окружен толпой. Здоровенные мужики из охраны и особо ретивые добровольцы, вооруженные и нет, гурьбой перли в дом, толкаясь и матерясь у крыльца.

Беглец вскарабкался к самому скату, влез на кровлю и с ненавистью посмотрел вниз, на теснящихся внизу людей. В тот же миг из слухового окна на черепицу выбрался первый из преследователей. За ним — второй, третий...

Беглец безнадежно захрипел и застыл, словно извятие, беспомощно растопырив руки. Полтора десятка охотников, вытянув вперед пики и копья, теснили его к краю. Внизу бесновалась толпа, обратив к небу искаженные ненавистью лица. Ревело пламя, пожирая сарай несчастной горожанки, и готово было перекинуться на соседний, но никого это сейчас не интересовало.

Одновременное «Ох!» — и затравленный беглец сорвался с крыши. Всего миг он оставался свободным, в падении, а потом грянулся о камень. Он был еще жив, когда первая пика вонзилась ему в грудь, и он успел увидеть пустые глаза людей.

— В огонь! В огонь его, Тьма в селезенку! — надсаживался на соседней крыше Хомма.

Близился пересвет, охотники торопились.

Путник, наблюдавший за этим со стороны, тяжело вздохнул. Впрочем, такое он наблюдал не в первый раз. К сожалению.

Оборотня сожгли еще до того, как одно солнце на небе сменило другое. Он умер до пересвета — и, значит, восходящий Четтан его не исцелит.

Теперь он мертв. Мертв навсегда.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧЕТТАН, ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Я никогда не видела синего солнца.

Говорят, это дивно прекрасное зрелище — синий восход. Небо еще тлеет багровым жаром, закат красного дня последними каплями крови стекает за горизонт, и вдруг... Ослепительная вспышка! Из-за восточного края небес выхлестывает первый синий луч. Еще один! Еще! Темно-голубое зарево всползает на небосклон, а следом величественно выкатывается Меар. И начинается синий день.

Так описал мне однажды появление синего солнца Унди Мышатник. Надо было заодно спросить его про красный восход, было бы с чем сравнить. А то ведь набрехал, небось, старый Унди — да упокоит Тьма его нетрезвую душу. Ну не может синее утро так уж отличаться от красного.

А красное что? Розовеет себе потихоньку небо над крышами, потом в комнате вдруг становится немного светлее. А потом — уж и вовсе светло, и сразу видно, ка-

кая наша конура грязная, и сколько в ней ненужного хлама. Плюнуть хочется. Вот тебе и весь восход.

Вообще-то такие, как я, долго не живут, так что и Четтана, красного солнца, толком разглядеть не успевают. На вторые или, скажем, третьи сутки после рождения приходят Чистые братья и уносят поганое отродье. А то и прямо на месте кончают младенца. Бывает, что и роженицу тоже — если она сдуру сопротивляется.

Вот не знаю, защищала бы меня мать, или нет. Я про нее вообще мало что знаю. Когда я подросла настолько, чтобы поинтересоваться ее судьбой, в шайке Беша уже толком и не помнили, куда она делась. Третий круг моей жизни выдался на редкость засушливый и голодный. В синий урожай почти ничего с полей не собрали. То ли померла моя мать, не дождавшись красного урожая, то ли продали ее северянам за жратву вместе с другими лишними женщинами. Она вообще-то совсем молодая была — моложе, чем я сейчас. Унди говорил, невзрачная такая белобрысая девчоночка, и вспомнить-то нечего. Ну и ладно. Она, если до сих пор жива, тоже, наверное, обо мне и не вспоминает.

Надо полагать, был у меня и отец. Беш сначала думал, что это кто-то из своих — может, даже он сам. Но таких огненно-рыжих, как я, в шайке ни одного нет. Значит, кто-то из заезжих гостей подарок оставил. В наших краях рыжих вообще мало. Если девчонка рыжая, считается, что счастья ей в жизни не будет — ни ей, ни ее семье. Ну, я-то не человек, эта примета меня как раз не касается.

Что же до счастья... Замнем, а?

То, что я осталась жить, целиком и полностью заслуга Беша. Или вина — это как посмотреть. Беш, кото-

рого в шайке за глаза называли Душегубом, а в лицо величали не иначе, как Хозяином, с первого же синего дня моей жизни стал мне мамочкой, папочкой и доброй динной в одном лице. Я думаю, в этот день все началось с того, что закричали женщины. Женщины у Беша вместо сторожевых шавок. Сразу поднимут вой, если что-то стряслось...

...В полутемной комнате, где запах немытых тел смешивался со стойкой вонью дешевого самогона и курительной травы, заплакал младенец. Одна из женщин, спавших на куче тряпья в углу, что-то промычала во сне и пихнула соседку в бок. Та беспокойно зашевелилась, но продолжала спать. Свет синего дня просачивался в комнату через щели в скособоченных ставнях. Младенец заплакал громче и заворочался в колыбели, подвешенной к балке низкого потолка.

— А, чтоб тебя Тьма забрала! — послышалось из дальнего угла.

Кряхтя и охая, встала со своей лежанки старая повариха Фонья — единственная женщина в шайке, которую звали по имени, а не «эй, ты!» В синем полумраке старуха подошла к столу, взяла какую-то тряпку, окунула ее в кружку с недопитым пивом. Младенец заскулил и захныкал с подвыванием.

— Сучки ленивые, — пробурчала Фонья, глядя на спящих женщин.

Отжимая тряпицу, она шагнула к колыбели и, не глядя, сунула пропитанный пивом жгут ребенку в лицо.

Острые зубки впились старухе в ладонь.

Фонья от неожиданности даже не заорала. Она коротко, полузадушенно ойкнула, отдернула руку и склонилась над колыбелью.